

УДК 811.161.1'373.2

Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина

НОМИНАТИВНАЯ ПАРАДИГМА КОНЦЕПТА *ПЕТЕРБУРГ* В ДИСКУРСЕ А. С. ПУШКИНА

В статье представлены способы именованя концепта Петербург в дискурсе А. С. Пушкина, их структура и семантика, обеспечивающие презентацию фрагмента картины мира русского гения.

Ключевые слова: когнитивный, концепт, номинация, топоним, парадигма.

Включённость Петербурга в систему русских культурных концептов и существование «Петербургского текста» не только как темы в русской литературе, но как особой категории объективировано работами В. Н. Топорова (ему принадлежит и термин-понятие «Петербургский текст») [16], Н. П. Анциферова, Т. А. Космеды, Ю. М. Лотмана, В. А. Николаевой. Однако параметры характеристики и когнитивные составляющие этого концепта на материале его именованй в дискурсе А. С. Пушкина, который был одним из зачинателей «Петербургского текста», в лингвистике, насколько нам известно, не представлены. Этим обусловлена новизна темы и наше обращение к ней.

Исследование номинаций концепта *Петербург* в творчестве А. С. Пушкина объясняется как необходимостью изучения языка художественных произведений в аспекте лингвокогнитивной поэтики, так и потребностью осмыслить данный фрагмент в языковой картине мира великого писателя.

Е. С. Кубрякова определяет концепт как единицу, которая служит для объяснения «единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и опыта человека... Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» [7: 90]. М. В. Пименова характеризует концепт как «представление о фрагменте мира или о части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разнообразными языковыми способами и средствами» [10: 10]. То есть, хотя концепт представляет собою ментальную единицу, обнаружение и объективирование его структуры и

содержания осуществляется с помощью языковых средств. Как отмечают исследователи, эта единица включает в себя, помимо предметной отнесённости, всю коммуникативно значимую и прагматическую информацию языкового знака, связанную «с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостью» и «интенсивностью» духовных ценностей, к которым отправляет концепт [2: 66]. Это особенно хорошо просматривается, когда сферой бытования концепта оказывается художественный дискурс, в котором репрезентированы личностные смыслы и эстетические интенции автора [9: 45].

Специфика исследуемого нами концепта заключается также в том, что его исходным именем является топоним — имя собственное, изучение которых в когнитивном аспекте только начинается [см., напр., 6]. При этом в число функциональных особенностей топонимической семантики входит, прежде всего, соотносённость имени с одним референтом, а также объём и корреляция лингвистической и энциклопедической информации о географическом объекте, о его значении в истории и культуре страны расположения. И изучение топонима-концепта в идиостиле того или иного писателя предполагает, следовательно, выявление личностного аспекта в его содержании.

Анализируя номинации концепта *Петербург* в творчестве А. С. Пушкина, мы ставим задачу проникнуть в художественный мир писателя, осмыслить механизм авторской категоризации объективной действительности и выявить средства языковой объективации одного из фрагментов его картины мира.

Именем изучаемого нами концепта является слово *Петербург*, полное официальное название — *Санкт-Петербург* (у А. С. Пушкина используются также варианты *Питербург*, *П. Б.*, *Питер*, *Санкт-Питер*).

Имя собственное *Санкт-Петербург* представляет собой агитопоним, то есть такой топоним, значение которого связано с именем святого. А именно: *Санкт-Петербург* — это город имени апостола Петра. Царь Петр I назвал создаваемое им «творенье» в честь своего святого покровителя. Подобными являются топонимы: г. *Борисоглебск*, *Александров-Невская лавра*, *о.Святой Елены*, *г.Санта-Роса* и др.[11: 128].

Петербург — крупнейший город на севере России, основанный в 1703 году. Первоначальное *Sankt-Piterburg* было имитацией голланд-

ского произношения *Sint-Petersburh*. Первой значимой постройкой в нем стала Петропавловская крепость, которая была заложена на Заячьем острове в дельте реки Невы в нескольких километрах от Финского залива. Как увидим далее, эти фрагменты информации, как и некоторые другие, последовательно включаются в семантику номинативной парадигмы исследуемого концепта.

Почти 200 лет (с 1712 по 1918 г.) Петербург был столицей России. В связи с началом Первой мировой войны на волне патриотических настроений 18 (31).08.1914 г. город был переименован в *Петроград*, хотя и задолго до этого в творчестве А. С. Пушкина эта номинация используется как поэтоним. После смерти В. И. Ленина (26.01.1924) переименован в *Ленинград*. А 6.09.1991 городу было возвращено его историческое название — *Санкт-Петербург* [3: 259].

Слово *Петербург* — композит, в нём две части: *Peter* — личное имя собственное, имеющее в разных языках разную огласовку (в европейских — Петер, Питер, Пьер, Петруччо; в славянских — Пётр, Петро, Петрусь) и *Burg* (в немецком языке имеет значения 'укреплённый замок, крепость', 'оплот'; 'защита, прибежище'). Кроме того, компонент *-бург* выступает как суффиксоид в топонимах типа *Магдебург*, *Марбург*, *Регенбург* и носитель значения 'город'. Составом компонентов обусловлено то, что название города *Петербурга* имеет варианты, обусловленные разным звучанием первой части и переводом компонента *burg*: *Петроград* (*град* — старославянский вариант), *Петрополь* (*полис* греч. — 'город'). Все эти названия А. С. Пушкин использует в своих произведениях.

Петербург, по обстоятельствам, уже утверждённый надёжно за Россией, быстро отстраивался (История Петра; IX, 396). [Все примеры из произведений А. С. Пушкина приводим по: 12]. *Над омраченным Петроградом Осенний ветер тучи гнал* (Езерский; IV, 341). *Падут, падут затворы, И в пышный Петроград Через долины, горы Ретивые примчат* (К сестре; I, 49). *И всплыл Петрополь, как тритон, По пояс в воду погружён* (Медный всадник; IV, 387).

Название *Петрополь* использует и Н. И. Гнедич, которого А. С. Пушкин цитирует в своих примечаниях к «Евгению Онегину»: *Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени* (Евгений Онегин, Примечания автора; V, 193).

Интересно отметить, что полное, официальное название исследуемого нами концепта А. С. Пушкин употребляет редко. Гораздо чаще в его дискурсе используются два типа именовании, отличающихся от нейтрального: 1) в той или иной степени редуцированное и 2) в той или иной степени расширенное. Редуцированными являются именовании *Петербург, С. — Петербург, Питер, Санкт-Питер, П. Б.*, а расширенными — *Питербург-городок* (здесь наблюдаем дублирование компонента и семы 'город', но редуцирован компонент *санкт-*). *Град Петра, град Петров, город Санкт-Питер* — номинации, совмещающие расширение и редукцию. Расширение происходит за счёт раздельнооформленности и изменения лингвистического статуса единицы именовании: *Петроград* — слово; *град Петра, град Петров, город Санкт-Питер* — словосочетания. Расширенные номинации представлены также большим рядом топонимических перифраз (о них — ниже).

Народ их (братьев Орловых — Л. Г., Л. Ф.) *знал за силачей — и никто в П. Б. с ними не осмеливался спорить, кроме Шванвича, такого же повесы и силача, как они* (История Пугачева; Из ранних редакций; VIII, 486). *Шумит ли Питер? что твой приезд и что «Онегин»?* (Письма, 94. Л. С. Пушкину; X, 106) *Надо помянуть, непременно помянуть надо: /.../ Всех православных христиан города Санкт-Питера* (Надо помянуть...; III, 400). *Что пирует царь великий В Питербурге-городке?* (Пир Петра Первого; III, 350)

Сокращение именовании осуществляется за счёт элиминации одного из структурных и семантических элементов: редуцируется либо указание на соотносённость с именем святого — *Санкт-* (*Петербург, Питербург, Петроград, Петрополь*); либо сема укрепленности города и её знак — *бург*; либо то и другое (*Питер*). Редукция отражает закон экономии речевых усилий и художественно-эстетические интенции автора.

Примечательно и то, что некоторые художественные именовании Санкт-Петербурга в произведениях А. С. Пушкина отличаются амбивалентностью, они могут быть интерпретированы двояко: и как город имени святого Петра, и как город, созданный царём Петром I. Таковы перифрастические именовании *град Петра* и *град Петров*: *На тройке принесенный Из родины смиренной В великий град Петра, /.../ Два года всё кружился* (Городок; I, 99). *Такого уже не помнил град Петра*

От лета семьдесят седьмого (Медный всадник; Стихи, не вошедшие в окончательную редакцию; IV, 541). *Красуйся, град Петров, и стой Неколебимо, как Россия* (Медный всадник; IV, 382).

В то же время А. С. Пушкин считает необходимым подчеркнуть роль Петра Великого в создании города-крепости на севере России, назначение и роль этого города в истории и культуре страны. *И думал он: Отсель грозить мы будем шведу, Здесь будет город заложен Назло надменному соседу. Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно* (Медный всадник; IV, 381). С помощью открытых определённо-личных конструкций выражается отношение автора к «творению Петра»: *Люблю тебя, Петра творенье, Люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное течение, береговой ее гранит* (Медный всадник; IV, 381). *Люблю, военная столица, Твоей твердыни дым и гром* (Медный всадник; IV, 382).

Концептуальной природой восприятия Санкт-Петербурга обусловлено то, что А. С. Пушкин использует много таких словесных и фразовых номинаций города, в которых фиксируются его разнообразные когнитивные признаки и объективируется их знаковая природа. А именно: молодость города, его столичный статус, географическое положение и предназначение. Здесь уместным оказывается широкое использование «функциональных онимов» [15: 63] — топонимических перифраз, в создании которых обнаруживается непревзойденное изобразительное мастерство А. С. Пушкина: *новоначинавшийся город; новый укрепленный городок; юный град, полнощных стран краса и диво; столица, новорожденная столица, младшая столица, северная столица, дальняя столица, военная столица.*

Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над новоначинавшимся городом (История Петра; IX, 116). *Между тем короли датский и польский должны были в одно время войти в Померанию, дабы произвести диверсию и облегчить царю завоевание провинции, которой он давно добивался и от которой он уже успел отлупить Нарву, дабы защитить Петербург — новый укрепленный городок, выстроенный им на реке Нерве (Nerva) в начале войны* (Записки бригадира Моро де Бразе; VIII, 407). *Прошло сто лет, и юный град, Полнощных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво* (Медный всадник; IV, 380–381). *Темно-зелеными садами Её покрылись острова, И перед младшею столицей Померкла*

старая Москва (Медный всадник; IV, 381). *Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия* (Арап Петра Великого; VI, 21). *От суеты столицы праздной, От холодных прелестей Невы /.../ Меня зовут холмы, луга* (N. N. (В. В. Энгельгардту); I, 353). *Далече северной столицы Забыл я вечный ваш туман, И вольный глас моей цевницы Тревожит сонных молдаван* (Из письма к Гнедичу; II, 35). *Утра луч Из-за усталых, бледных туч Блеснул над тихой столицей* (Медный всадник; IV, 392).

Мы разделяем позицию Н. Д. Арутюновой и В. И. Супруна об орнаментальной интенции перифраз [1: 107; 15: 68] в речи, в художественном тексте, но добавим, что топонимические перифразы, по нашему мнению, вместе с тем вербализуют определённые слоты в семантическом пространстве именуемого ими концепта и тем самым объективируют, углубляя и расширяя, его содержание.

Характеризуя Петербург, А. С. Пушкин не только указывает на его положение на севере (*северная столица*) и его достойное положение среди других северных населённых пунктов (*полнощных стран краса и диво*), но создаёт для его именованья перифразы, включающие названия водных объектов, которые пересекают пространство города, и называет его *брегами Невы, невскими берегами, берегами Мойки и Фонтанки* и даже, метонимизируя водный источник и город, именем *Нева* или *река Нева*.

Онегин, добрый мой приятель, Родился на берегах Невы (Евгений Онегин, гл. 1, ст. II; V, 10). *Иди же к невским берегам, Новорожденное творенье* (Евгений Онегин, гл. I, ст. LX; V, 35). *В полноте сердца своего положили они уведомить о себе членов православного братства, украшающих берега Мойки и Фонтанки* (Письма, 14. Арзамасцам; X, 20). *И что ж? Гербовые заботы Схватили за полы меня, И на Неве /.../ Прикованным остался я* (К Языкову; III, 68). *Онегин вечер целый Татьяной занят был одной, Не этой девочкой несмелой, Влюбленной, бедной и простой, Но равнодушною княгиней, Но неприступною богиней Роскошной, царственной Невы* (Евгений Онегин, гл. 8, ст. XXVII; V, 177).

Наряду с молодостью Петербурга и его столичным статусом (*юный град, младшая столица, младший брат Москвы*), А. С. Пушкин объективирует в описательных, расширенных номинациях-перифразах его функциональную предназначенность (*окно в Европу, новая пристань, военная столица*) и антитетичность Москве. *Природой здесь нам суж-*

дено **В Европу прорубить окно** (Медный всадник; IV, 381) **Люблю, военная столица, Твоей твердыни дым и гром** (Медный всадник; IV, 382). Он манифестом пригласил европейские народы в свою **новую пристань**, обещая льготы и выгоды. (История Петра; IX, 315–316)

Москва в дискурсе А. С. Пушкина также характеризуется широко и разносторонне; достаточно вспомнить его высказывание: *Москва...как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нём отозвалось!*, которое стало прецедентным текстом. Но в семантической оппозиции номинаций Москва противопоставляется Петербургу, с одной стороны, в аспекте возвышения — как *первопрестольная столица, древняя столица, страны родной глава и мать градов России*, а с другой — в снисходительно-ироническом ключе и сострадательной тональности: как *старая столица, старушка Москва и премилая старушка*. Например: *Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы* (Путешествие из Москвы в Петербург; IV, 273). *В почтенной кичке, в шушуне Москва премилая старушка* (Всеволожскому; I, 368). *Темно-зелеными садами Её покрылись острова, И перед младшею столицей Померкла старая Москва* (Медный всадник; IV, 381). *И ты, Москва, страны родной Глава, сияющая златом! И ты уже пред младшим братом Поникла в зависти немой* (Медный всадник, черн. рукопись; Бонди С., 173)

Величие и красоту Петербурга, образное включение его в ряд символов мировой культуры А. С. Пушкин выразил в номинации *северный Стамбул*: *Скоро ли увидите вы северный Стамбул? обнимите там за меня милого нашего муфти Александра Ивановича* (Тургенева — Л. Г., Л. Ф.) и *мятежного драгомана брата его* (Письма, 22. С. И. Тургеневу; X, 30). По этой семантической модели — сопоставление и выявление сходных релевантных признаков у географических объектов из разных частей света и разных стран — позднее были созданы общеизвестные ныне топонимические перифразы *Северная Пальмира* и *Южная Пальмира* (*Петербург* и *Одесса*).

В то же время отношение русского гения к Петербургу не могло быть однозначным, что обусловлено восприятием этого города как центра тиранического государства с его жестокой карающей системой (достаточно вспомнить, в частности, о судьбе друзей А. С. Пушкина — декабристов, об отношении царя к самому писателю, о его ссылках). И вполне закономерно, что в содержании исследуемого

концепта отражено не только логическое познание окружающей действительности, но также эмоционально-критическое осмысление жизненного опыта, художественные оценки действительности, пропущенные сквозь «призму человеческой души» [8: 37]. Вследствие этого обнаруживаем именованная-характеристики типа *Чухландия, моё чухонское уединение; мертвая область рабов, капральства, прихотей и моды; дух неволи* и под.

К новому году, вероятно, явлюся к вам в Чухландию (Письма, 269. А. А. Дельвигу; X, 253–254). *Итак, от наших берегов, От мертвой области рабов, Капральства, прихотей и моды Ты скачешь в мирную Москву* (Всеволожскому; I, 368). *Город пышный, город бедный, Дух неволи, стройный вид, свод небес зелено-бледный, Скука, холод и гранит* (Город пышный, город бедный; III, 79).

Индивидуально-авторская номинация *Чухландия* имеет множественную мотивацию. В связи с наличием в слове компонента —*ландия* (от общегерманского *land* — 'страна, край, земля') она презентует город как весьма значительное пространство, мир с особым укладом. Компонент *чух* — соотносит данный оним с устаревшим ныне этнонимом *чухна, чухонцы* — 'пренебрежительным и насмешливым прозвищем финского населения, жившего исконно в окрестностях Петербурга' [14, IV: 389; 13, IV: 695], петербургским «прозвищем пригородных финнов» [5, IV: 616]. (*По миистым, топким берегам Чернели избы здесь и там, Приют убогого чухонца* — Медный всадник).

Учёт парадигматического, «вертикального» контекста и исторической памяти актуализирует в сознании денотативные семы 'неблагоприятный климат', 'бедность, убожество' и коннотативные семы 'насмешливое, пренебрежительное отношение', которое, однако, адресовано в данном случае не «*убогим чухонцам*», а столичному обществу. При такой соотнесённости название *Чухландия* воспринимается не только как шутливая [см. 14, IV: 958], но и как сардоническая номинация. При этом Пушкину, видимо, нравилась апелляция к этой последней мотивации, что и побуждало его возвращаться к номинациям, включающим «чухонский мотив». Так он создаёт грустно-шутливую, экспрессивно-прагматическую перифрастическую номинацию Петербурга — *мое чухонское уединение*, представленную в одном из его писем княгине В. Ф. Вяземской, где в элегическом слове *уединение* актуализируется значение 'одиночество' с его семами

‘иметь мало общего с окружающими, быть чуждым им, быть далёким от них’: *Во-первых, позвольте повергнуться мне к ножкам Вашего сиятельства и принести всеподданнейшую мою благодарность за собачку /.../, присланную мне в мое чухонское уединение* (Письма, 258. Из Петербурга в Москву В. Ф. Вяземской; X, 246).

Таким образом, топоним-концепт *Петербург*, будучи культурным феноменом, представляет собою многомерное смысловое образование, в котором присутствуют понятийная, ценностная и образная стороны, нашедшие отражение в его именовании. Совокупность же разноструктурных номинаций этого концепта в дискурсе А. С. Пушкина формирует его семантико-стилистическую парадигму [4], в которой презентуется большой объём разнотипной информации — собственно лингвистической, личностно-языковой, энциклопедической и экспрессивно-прагматической. Среди этих номинаций имеются общеязыковые, общеречевые и художественно-поэтические, индивидуально-авторские. Номинативная плотность, разнообразие именовании концепта *Петербург* в творчестве А. С. Пушкина, отражение в них значительного числа когнитивных признаков, входящих в содержание данного концепта, являются объективным показателем коммуникативной релевантности и эстетико-культурной ценности данного феномена как для индивидуальной картины мира классика литературы, так и для русского сообщества в целом.

Мысли и чувства А. С. Пушкина о Петербурге, выраженные, наряду с другими средствами, разнообразными номинациями, отражают диалектичность мировосприятия великого писателя, его философское и в то же время эмоциональное и эстетическое осмысление действительности. Некоторые из его художественных именовании стали фактами системы языка — моделями для построения аналогичных номинаций (*окно в Европу, северный Стамбул, военная столица, северная столица*), стали прецедентными текстами и знаками (символами) русской национальной культуры.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дескрипция и дискурс: от текста к смыслу//Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — I — XV. — 896с.

2. Воркачѳв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт: Монография/ С. Г. Воркачѳв. — М.: Гнозис, 2004. — 235 с.
3. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь/ Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина. — Одесса: Астропринт, 2008. — 392с.
4. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Семантико-стилистическая парадигма топонима: постановка вопроса / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина //Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса: Астропринт, 2010. — № 15. — С. 131–138.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах/ В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1978.
6. Карпенко О. Ю. Проблематика когнитивной ономастики/ О. Ю. Карпенко. — Одеса: Астропринт, 2006—328 с.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1997. — 245 с.
8. Мейлах Б. С. «... Сквозь магический кристалл...»: Пути в мир Пушкина. / Б. С. Мейлах. — М.: Высшая школа, 1990. — 399 с.
9. Петрова Л. А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира / Л. А. Петрова — Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. — 284 с.
10. Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М. В. Пименовой. — Вып. 4. — Кемерово, 2004. — 208 с.
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп./ Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. / А. С. Пушкин. — М: Изд-во АН СССР, 1962—1966.
13. Словарь русского языка в четырёх томах / Гл. ред А. П. Евгеньѳва. — М.: Русский язык, 1981—1984.
14. Словарь языка А. С. Пушкина: В 4-х т. — М.: Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1956—1961.
15. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.
16. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное/ В. Н. Топоров — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — 624с.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 томах. Перевод с нем. — 2-е изд., стереотип./ Макс Фасмер — М.: Прогресс, 1964—1973.

Гукова Л. М., Фоміна Л. Ф.

НОМИНАТИВНА ПАРАДИГМА КОНЦЕПТУ ПЕТЕРБУРГ У ДИСКУРСІ О. С. ПУШКІНА

У статті викладені способи іменування концепту Петербург в дискурсі О. С. Пушкіна, їх структура та семантика, що забезпечують презентацію фрагменту картини світу російського генія.

Ключові слова: когнітивний, концепт, номінація, топонім, парадигма.

Gukova L. N., Fomina L. F.

NOMINATIVE PARADIGM OF THE CONCEPT PETERSBURG IN A. S. PUSHKIN'S DISCOURSE

*The article is dedicated to the ways of nomination of the concept **Petersburg** in A. S. Pushkin's discourse, to their structure and semantics which represent a fragment of the Russian genius's picture of the world.*

Key words: cognitive, concept, nomination, toponym, paradigm.